

От ненависти *До любви*

Читайте криминальные мелодрамы Дарьи Кожевниковой в серии

От ненависти До любви

ИСПОВЕДЬ ЦИРЦЕИ
ЕСЛИ ЭТО СУДЬБА
АНГЕЛЫ ДАЛЕКО
ЗАВТРА НА ДВОИХ
СТЕКЛЯННОЕ СЕРДЦЕ
ОХОТА НА ЛЕСНУЮ НИМФУ

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

ОХОТА НА ЛЕСНУЮ НИМФУ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбьшева*

Кожевникова, Дарья Сергеевна.

К58 Охота на лесную нимфу / Дарья Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-04-094464-4

Покинув семью матери и отчима, Женька устроилась работать дворником в дом отдыха «Лесное озеро» и поселилась в крошечной сторожке. Ничто не нарушало ее уединения, и девушку это вполне устраивало. Но однажды ночью в ворота дома отдыха влетели на полной скорости два крутых автомобиля, и в парке завязалась перестрелка. Когда выстрелы стихли, Женька отважилась выйти из своей сторожки и наткнулась на раненого мужчину, на ее глазах потерявшего сознание. Его продолжали преследовать, и Женька спрятала незнакомца в куче осенних листьев, а потом перетащила в свое жилище. О том, что страшно рискует, она в тот момент даже не думала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожевникова Д. С., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,

2018

ISBN 978-5-04-094464-4

1

Женька проснулась до сигнала будильника. Скосив глаза на циферблат, вытянулась под одеялом, наслаждаясь теплом и последними, а оттого самыми драгоценными минутами покоя. Собаки уже проснулись и выползли со своих мест и теперь лежали на полу перед кроватью, не сводя с Женьки глаз. Маленький бело-рыжий Тяпа, такой же бесхвостый, как и беспородный, массивный Туман, серая кавказская овчарка. Женька оглядела их сквозь опущенные ресницы, не давая знать, что проснулась. Иначе оба сразу вскочат и подбегут к кровати. Тяпа встанет на задние лапы, часто виляя обрубок хвоста и своеобразно побряхтывая. А Туман будет вилять хвостом не спеша и солидно, а еще начнет тыкать Женьку носом — он и на всех четырех лапах выше ее кровати. Их обоих можно понять: ведь для Женьки скоро начнется рабочий день, а для них обоих — прогулка, поэтому у них с хозяйкой совершенно разное отношение к последним спокойным минутам, предшествующим звону будильника. Они ждали, когда этот непонятный им механизм своим громким сигналом разделит утро на «до» и «после»

так же, как Женька этого не хотела. Но он все-таки за-пищал, этот чертов предмет, разгоняя в доме тиши-ну, вспугивая покой и восстанавливая в своих правах гнет повседневной рутины. Только что у Женьки было право выбора: она могла встать, а могла еще и валять-ся. А теперь железное слово «надо» уже диктует ей, как поступать. Надо вставать. Надо кормить собак. И надо идти на работу. Поеживаясь, Женька села, спустила ноги с кровати. Собаки тут же вскочили, призывно глядя на нее и словно бы спрашивая, как же она может медлить в предвкушении такого чудесного дня.

— Мне бы ваши заботы, — проворчала Женька и поплелась на кухню разогревать им завтрак. Жила она в маленьком служебном домике, уютившемся не-далеко от ограды, в уголке обширного парка, окружа-ющего дом отдыха «Лесное озеро». Всего две неболь-шие, почти кукольные смежные комнаты и кухонька, но зато какая красота за окном! Женька отодвинула занавеску. Озеро было уже за оградой парка, но из кухонного окна его можно было видеть почти как на ладони. Большое и круглое, похожее на чашу в живо-писном окружении поросших лесом холмов. Когда погода была ясной и безветренной, эти холмы отра-жались в озере, как в зеркале. Холмы и небо, сверкаю-щее лазурью в водной глади. Но сегодня было пасмур-но и ветрено, и вода была похожа на старую смятую фольгу — серая, с тусклыми проблесками на гребнях невысоких и частых волн. Осень все явственнее дава-ла о себе знать, вступая в свои права.

Женька поправила занавеску, разлила овсянку со-бакам по мискам, привычно выбрала из Тумановой миски все косточки, скovyрнув с них пальцем в кашу кусочки мяса. Сама она никогда не завтракала, это во-

шло у нее в привычку. Да и не было у нее с утра такого аппетита, чтобы поглощать ту нехитрую снедь, которую она могла себе позволить. Жить самой и кормить двух собак — это было не так-то просто на небольшую Женькину зарплату. Приходилось выгадывать, выискивать в магазинах, где что подешевле. С получки, выезжая на автобусе в город, она сразу на весь месяц закупала собакам овсянку и кости как самое главное, а потом уже перебивалась как получится. Надо ведь было иногда и одежду, и обувь покупать. Хорошо еще, что Женькины запросы в этой сфере были сведены к минимуму: джинсы и что-нибудь к ним, в соответствии с погодой. Иначе было бы еще тяжелее. Но Женька не заикливалась на своих финансовых трудностях. Когда по-настоящему проголодаешься, даже черный хлеб начинает казаться деликатесом. А все самые изысканные развлечения заменялись для нее походами в лес. Иногда вечером, после работы, а иногда и с утра, в те дни, когда не нужно было мести парковые дорожки — Женька работала в доме отдыха дворником, — она уходила в лес, за пределы парка. Не за грибами, не за ягодами, а просто так. В любое время года, только она и собаки. У нее было несколько своих тропинок, и она могла ходить по ним часами, то застывая над берегом озера, чтобы полюбоваться им, то замирая в восторге перед лесными пейзажами. Ложбины с поросшими мхом валунами в мрачном окружении темных строгих елей, среди которых пробивался хрустальный ручей, достойные любой сказки, или стройные высокие сосны с янтарно-золотистыми стволами, растущие на крутом золотистом песчаном берегу, — все это никогда не приедалось Женьке. Более того, у нее были свои любимые деревья, с ко-

торыми она даже могла остановиться и поговорить. Они были для нее живыми, они были ее друзья. Единственные друзья, не считая собак. Женька явственно чувствовала окружающую их живую ауру, их расположение к ней.

Она и сейчас улыбнулась, вспоминая ощущение удивительного душевного тепла при встрече с деревьями, их дружеское прикосновение к своему сознанию. Туман, уже съевший свою кашу, вопросительно взглянул ей в глаза.

— Сейчас пойдем, — сказала ему Женька.

Она ласково провела рукой по пушистой серой шерсти Тумана, и тотчас же Тяпа поставил на нее свои лапы — после того, как у них в доме появился Туман, этот мелкий рыжий сорванец строго следил за тем, чтобы все, особенно хозяйская ласка, было у них поровну, и не возражал лишь тогда, когда неравенство было в его пользу. Туман же относился к Тяпиным причудам со снисходительностью большой, мудрой и не избалованной в прошлом собаки. Вот и сейчас, оглядев бунтующего Тяпу, он перекинулся с Женькой понимающим взглядом и затрусил к входной двери. И Женька, чуть поотстав из-за Тяпы, направилась следом, уже на ходу надевая куртку — день сегодня не обещал баловать теплом.

Когда они все втроем вышли на центральную дорожку, ведущую от ворот к особняку, под ногами зашуршали успевшие нападать листья, холодный ветер взметнул темно-русые Женькины волосы. Она отвела их с лица рукой. Будут сегодня мешать, подумалось ей. Но ни шапками, ни заколками она обременять свою голову не любила. Да и волосы ее, вьющиеся и шелковистые, мягкие и послушные с виду, тот-

час же выбивались из любых оков, как бы она их ни скручивала. Женька уже не раз пыталась справиться с ними, а потом бросила это бесполезное занятие. Уж лучше откидывать их, чем останавливаться каждые пять минут для того, чтобы переплести. Меньше отвлекает от работы. А работы сегодня у Женьки было много. Хозяин приезжал накануне, чтобы предупредить, что на выходные весь особняк снова сняли какие-то толстосумы, и значит, все, в том числе парк, должно быть в лучшем виде. Придется основательно промести все центральные дорожки, сгрести с газонов листву. Оттого Женька и встала сегодня ни свет ни заря по будильнику, к радости обеих собак. Женька оглянулась, выискивая взглядом среди кустов Тяпу. Нашла не сразу — что-то вынюхивая, он залез в самые заросли так, что торчал только рыже-белый обрубок хвоста. Независимая личность, он никогда не убегал далеко, но всегда гулял так, как ему вздумается. Вот Туман — тот трусил чуть впереди Женьки, неся в зубах ведро. Работяга по своей натуре, он не любил праздной беготни по вверенной им с Женькой территории. В лесу — пожалуйста, а здесь он был не только другом, но и напарником во всех Женькиных делах. И она специально давала ему ведро, чтобы пес мог почувствовать свою значимость. Легкое, ничем не нагруженное ведро — это было все, что могла нести могучая кавказская овчарка. Потому что справа на нижней челюсти у него были выбиты два резца, клык и все ложнокоренные зубы. И край языка с этой стороны был весь в зазубринках, и переносица с легкой горбинкой, оставшейся после перелома.

Центральная подъездная дорога вывела Женьку с Туманом на широкий мощный двор перед ста-

ринным особняком, переделанным в ставший очень популярным дом отдыха. Летом те, кто мог себе это позволить, жили здесь в основном семьями, по парку бегали дети, на озере было немало купающихся. А вот по окончании сезона дом отдыха нередко снимали на несколько дней ищущие развлечений и не привыкшие считать деньги субъекты, приезжающие сюда на дорогих иномарках уже без семей. Они появлялись здесь, почти все как один, чтобы «на природе» (то есть в парке) жарить шашлыки, париться в сауне вместе со своими холеными любовницами, подальше от жен, и вливать в себя дорогостоящее содержимое красочных фирменных бутылок, напиваясь почти до поросычьего визга. До Женькиного домика, как бы далеко от особняка он ни стоял, каждый раз доносились отголоски их оргий, несмотря на плотно закрытые окна и дверь. Орала музыка, сотрясая мощную стереосистему, горланили во всю мощь грудных клеток гуляющие мужики, пронзительно хохотали и визжали их девицы. Что конкретно там происходило, Женька не знала и знать не желала. Она выходила в парк либо на рассвете, когда все наконец засыпали глубоким сном, либо после того, как они уезжали прочь на своих дорогих машинах, чтобы убрать за ними разбросанные повсюду банки и бутылки, а в придачу и другие, порой самые неожиданные предметы, иногда вызывающие смех, а иногда наводящие на довольно жуткие мысли. Одной из таких неожиданных Женькиных находок однажды стал Туман. Поначалу она приняла его за брошенную в кусты мокрую грязную шкуру и подошла, намереваясь вытащить ее оттуда, чтобы зарыть вместе с другим не подлежащим сжиганию мусором. Но «шкура» вдруг подняла окровавленную

морду. В первый момент Женьке стало так дурно, что даже сердце закололо. Немного отдышавшись, она приблизилась к собаке. Пес уже снова уронил голову на лапы, и одни только его карие глаза выглядели живыми. Они смотрели на Женьку так, что ее начало трясти. Ее колотило от той глубины страдания, что читалась в говорящем яснее слов собачьем взгляде, и от сознания нанесенных собаке увечий, и от ярости на того, кто это сделал, и от ужаса перед чудовищной жестокостью той пьяной твари, которая оказалась на это способна. Она сжимала зубы, чтобы унять дрожь, и глотала слезы, почти уверенная в том, что уже ничем не сможет помочь полумертвому псу. Но, немного придя в себя, Женька все же начала действовать. Прежде всего накрыла собаку своей курткой, потом побежала в особняк. С помощью Алевтины, горничной, тоже убиравшей в этот день за уехавшими прочь «гостями», только не двор, а комнаты, Женька перенесла собаку на покрывале к себе домой. И на долгие дни лишилась покоя. В зависимости от самочувствия собаки надежда ее сменялась отчаянием, угасала, чтобы воскреснуть снова и снова угаснуть. С каким-то остервенением Женька выхаживала чуть живого пса, заботясь о нем так, как не всякая мать заботилась бы о своем больном ребенке. Она кормила его из спринцовки, удалив кровотокающие обломки зубов изо рта, меняла под ним мокрые простыни, поскольку он не мог вставать, переворачивала его, чтобы не было пролежней, делала уколы и перевязки. На Женькино и Туманово счастье, воспитывалась она в семье медиков, где бабушка и дедушка были врачами, и поэтому знала, что делает. Знала настолько, что однажды, в очередную бессонную ночь, когда лежала, глотая слезы, раздража-

емая сомнениями, тревогой и тоской, она услышала, как серый пес покинул свое место и подполз к ее кровати. Эта ночь стала переломной в состоянии Тумана, и после нее он резко, как по мановению волшебной палочки, пошел на поправку. А вскоре уже следовал за Женькой повсюду, как лохматая серая тень. Вначале пошатываясь, на заплетающихся от слабости лапах, а потом все увереннее, бодро приподняв свой уныло болтавшийся поначалу хвост. Не зная, как его звали прежде, Женька назвала его Туманом. Во-первых, за красивый серый окрас, а во-вторых, потому что именно туман в ту ночь, когда озверевший хозяин пытался убить его, спас псу жизнь. Он заполз в кусты и стал невидим с асфальтированной дорожки в наползающих с озера клубках густого тумана. Идти же на его розыски по сырой траве пьяный садист, скорее всего, просто уже не захотел.

— Женечка, здравствуй! — прозвучал от широкого каменного крыльца знакомый голос.

Женька вскинула голову. Занявшись сметанием листвы во дворе, она не заметила, как из дверей особняка вышла Алевтина с двумя полными фильтрами от пылесосов в руках.

— Здравствуй, Алечка, — ответила Женька. — Ты уж тут раньше меня начала крутиться?

— Да хочется сделать все побыстрее. — Аля спустилась по широким каменным ступеням, подошла к уже собранной Женькой в кучу листве. — Я тебе подкину фильтры?

— Бросай, конечно, — кивнула Женька.

— И откуда столько пыли берется? — вздохнула Аля, складывая фильтры сверху на кучу. — Ведь целыми днями дом пустует, а вот, погляди-ка.

— Это еще что, — усмехнулась Женька. — Разве можно сравнить эти два фильтра с тем, что остается после нашествия орды?

Аля ответила Женьке невеселой и понимающей улыбкой. А потом, кивнув на прощание, снова пошла в дом. Женька проводила ее сочувственным взглядом. В отличие от нее, от Женьки, Аля не могла свести контакты с «ордой» к минимуму. Напротив, ей все время приходилось быть «под рукой», прислуживать, угождать. По долгу службы и в надежде на чаевые. Потому что, знала Женька, у Алиного сына тяжелый порок сердца, и она не оставляет надежды скопить ему денег на операцию. Вот и приходилось женщине, давно отчаявшейся найти поддержку у пьяницы-мужа, забывать про усталость, гордость и чувство собственного достоинства.

«Орда» приехала после семи вечера. От поворота по Женькиным окнам скользнули, словно прожектора, мощные фары, а чуть позже импортные внедорожники въехали в ворота парка. Даже из их закрытых салонов отчетливо был слышен рокот барабанов — магнитолы работали на полную катушку, потому что сидящие там были настроены развлекаться по полной программе. Тяпа вскочил на кресло и поставил передние лапы на подоконник, выглядывая за стекло, хотя давно уже знал, что ничего из комнатного окна не увидит. Туман же и с места не сдвинулся, лишь повернул голову, угрюмо сверкнув глазами. У него, как и у Женьки, было совершенно определенное отношение к подобным наездам. И Женька каждый раз в таких случаях прятала его дома либо уходила с ним в лес. Не только потому, что опасалась возможной встречи с бывшим хозяином Тумана, но и потому,

что пес люто ненавидел всех, от кого разило спиртным и кто хоть чем-то напоминал ему своим внешним видом о прошлой жизни. Насколько могла судить Женька по поведению Тумана, кавказские овчарки — не те собаки, которые легко забывают зло. Во всяком случае, Туман не забыл, хоть с той поры и прошло уже больше двух лет.

Машины скрылись в глубине парка, и вскоре от особняка привычно раздались громкие голоса — приехавшие вышли во двор. Отложив книгу в сторону, Женька прошла на кухню, поставила на плиту чайник и собачью кашу. Завтра придется встать на рассвете, чтобы успеть убрать весь двор до того, как проснутся и выйдут на улицу постояльцы. А значит, и лечь сегодня надо пораньше, чтобы процесс раннего пробуждения не превратился в мучительную борьбу с упорно слипающимися веками.

— Ужинаем — и по койкам, — сказала она собакам, разливая им в миски кашу. Потом и себе смастерила несколько бутербродов к горячему чаю, выложила их на блюде. Женька любила домашний уют и старалась поддерживать его в своем маленьком кукольном домике. Золотисто-розовый абажур, скатерть и салфетки на столе и нарядные занавески — все это было дорого ей, потому что напоминало родной дом. Тот родной дом, который она знала в детстве. В детстве, которое, как утро перед звонком будильника, было «до». До смерти воспитавших ее стариков, с которыми она жила, не ведая о том, что ненастными могут быть не только те дни, когда на небе сгущаются тучи. До приезда в опустевший дом матери, почти что чужой женщины, с еще более чужим отчимом и двумя их совместными детьми. До того, как они стали на-

водить в доме свои собственные порядки. Женька передернулась, отмахиваясь от этих воспоминаний. Приезд в ее родной дом матери с семьей она воспринимала не иначе, как нашествие оккупантов. И то, что она впоследствии оказалась здесь, в этой глуши, было не чем иным, как результатом бегства от них, потому что смириться с новым образом жизни она так и не смогла. Люди, въехавшие в ее дом, в ее заповедный уголок, где все еще так живо напоминало о стариках, ушедших из жизни один за другим с интервалом всего в полтора месяца, были совершенно чужды Женьке, и весь их жизненный уклад вызывал у нее чувство острого неприятия. А началось все с того же обеденного стола. Сразу же с него исчезли скатерть и все салфетки. Но тринадцатилетняя, не по возрасту зрелая в своих мыслях Женька, тяжело вздохнув при виде «голового» стола, тут же нашла матери оправдание: у нее и без того много стирки, от одних только сыновей-погодков — ежедневно целая куча. Однако, как оказалось, это было только началом и меньшей из бед. Едва устроившись на новом месте, семья (Женька так и звала их всегда: «семья», никогда не добавляя при этом «моя» и никак иначе не отождествляя себя с ними) стала наводить в доме новые порядки. Энергичная мать, до этого не имевшая своего собственного угла, начала с перестановки. Все, что для Женьки было не то что дорого — свято как память, изменили, переставили, а то и просто выбросили из дома. Например, любимые бабушкины фарфоровые статуэтки, вручную связанную бабушкой покрывала, а также старинные кресла, бабушкино и дедушкино, которые Женька делила с ними по очереди, выслушивая там вечерами захватывающие рассказы. Умом Женька понимала,